

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ХОРЕЗМИ**

**Кафедра «Русского языка и литературы»
Специальность: 5111300 – «Русский язык и литература
в иноязычных группах»**

РЕФЕРАТ на тему:

**Жанр «иронического рассказа» в
творчестве В.Пьецуха**

Сдал:

**Эрназаров М., студент
401 группы отделения
русского языка и литературы
факультета иностранных языков**

Принял:

**Рузимбаев Х.С., кандидат
филологических наук, доцент**

Ургенч – 2015

ПЛАН

Введение

ГЛАВА I. Поэтический мир В.Пьецуха

1.1. Фантастическое в творчестве писателя

1.2. «Иронический авангард» В.Пьецуха

1.3. Жанр «иронического рассказа» в творчестве В.Пьецуха

Заключение

Список литературы

Введение

Трудно переоценить роль и значение художественной литературы в процессе воспитания гармонично развитой личности, способной к творческому мышлению и самоанализу. Посредством образцов литературного творчества человек познает мир, учится различать его светлые и темные стороны. И углубленное изучение художественного дарования каждого известного писателя способно духовно обогатить личность, настроить его самого на творческий лад, раскрыть его потенциал.

В этой связи особо следует отметить современную русскую литературу, одним из ярких представителей которой является Вячеслав Пьецух.

Вячеслав Алексеевич Пьецух — известный русский прозаик, эссеист. Родился он в Москве в 1946 году, восемнадцатого ноября в семье кадрового офицера, мать была обычной рабочей на заводе. Родители мечтали о том, чтобы сын получил достойное образование, и он оправдал их ожидания: в 1970 году закончил учебу в Московском государственном педагогическом институте, исторический факультет. После института работал учителем тринадцать лет, на различных стройках, заводе и даже был старателем на золотом прииске, а любимым хобби для него являлось написание статей в журнале «Сельская молодежь».

Первый рассказ написал в 1973 году. Первые публикации появились в журнале «Литературная учёба» и альманахе «Истоки» в 1978 году. Ушел из школы в 1982 году, когда начал активно печататься: не одобрило начальство.

Его первую книгу «Алфавит» напечатали в 1983 году, это были повести и рассказы. Произведения Вячеслава Пьецуха публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Волга», «Столица». В 1983 году вышла первая его книга «Алфавит». На сегодня издано более двадцати сборников его прозы. Последние произведения, многие из которых написаны в форме литературно-философских эссе, были опубликованы издательством «ЭНАС». С января 1993 года по июль 1995 года был главным

редактором журнала «Дружба народов», в 1990-1997 годы входил в общественный совет «Литературной газеты».

Вячеслав Пьецух является членом Союза писателей и Русского ПЕН-центра, а также входит в общественный совет журнала «Вестник Европы» (с 2001 года) и принимает участие в работе Комиссии по Государственным премиям Российской Федерации. В 2007 году стал лауреатом Новой Пушкинской премии за 2006 год в номинации «За совокупный творческий вклад в отечественную культуру».

Проживает попеременно в Москве и деревне Устье Зубцовского района Тверской области. Большинство произведений Пьецуха обращено к русскому национальному характеру и российской истории с ее драматическими повторами.

Хотя в последнее время творчеству талантливого русского писателя был посвящен целый ряд критических исследований, следует отметить, что до сих пор нет единого мнения в вопросе конкретного определения специфики его творчества, художественного стиля, своеобразия прозы.

Данным обстоятельством определяется **актуальность** настоящего исследования, в котором на научно-теоретической основе, опираясь на суждения современных русских литературных критиков, предпринята попытка целостного анализа системы образов Пьецуха и на этой основе раскрывается место и значение традиций и новаторства в его творчестве, роль исторического ракурса как важнейшего художественного средства выражения духовных воззрений видного писателя современности.

Целью данной работы является раскрытие своеобразия прозы Пьецуха, особенностей его художественной типизации, принципов и приемов создания поэтических образов.

Предметом исследования являются язык и стиль прозы Пьецуха, которые в своей совокупности позволяют ему добиваться необходимого художественного эффекта, передавать свое неповторимое, оригинальное видение мира.

Объектом исследования послужили прозаические произведения писателя, где ярко проявилась глубина его поэтического дарования как несравненного художника.

Результаты работы могут быть использованы в курсе истории литературы конца XX века, в спецкурсах по поэтике современной русской прозы, для дальнейшего исследования творчества В.Пьецуха.

ГЛАВА I. Поэтический мир В.Пьецуха

1.1. Фантастическое в творчестве писателя

Впервые с творчеством этого удивительного писателя читатели познакомились в конце 80-х годов. Тогда небольшие повести Вячеслава Пьецуха были глотком свежего воздуха. «Новая московская философия» понравилась так, что хотелось продолжения... Но почему-то ждать пришлось слишком долго. Может быть, дело в том, что так называемые толстые журналы стали несколько дальше от многих из нас.

И вот издательство «ЭНАС» выпустило одну за другой сразу несколько книг писателя. Оказывается, за прошедшие годы глоток превратился в роскошный поток умной прозы. После появления «Новой московской философии» Вячеслава Пьецуха критика зачислила в «иронический авангард». Споры нет, ирония — это излюбленный и очень органичный приём его прозы.

Уже в 1988 году стало понятно, что лозунги живут своей жизнью, а человек — своей. Герои Пьецуха размышляют вроде бы обо всём серьёзно, но картина коммунального бытия получается совсем иной. Парадоксальной. С одной стороны, всё понятно и ясно, всё построено согласно принятым литературным канонам классического романа Достоевского «Преступление и наказание». Но писатель как будто посмеивается над ситуацией, над особенностями русского характера, над самой философией обыденной жизни.¹

Тогда у него это получилось настолько здорово, что образы старушки Пумпянской, Мити Началова и Белоцветова с Чинариковым запомнились надолго. А всё потому, что многие как-то не заметили, что такие важные категории, как добро и зло, утратили своё первоначальное и категоричное значение, расплылись...

¹ Булыга А. Уроки классики и современность. – М., 1991. – С.57.

Тогдашним Раскольниковым уже не нужно доказывать себе, что они не «твари дрожащие», они и Достоевского-то не читали, и о Наполеоне не слышали. Им важнее другое — заполучить комнатку в коммуналке. Их поиск не от мыслей о несправедливости бытия, а от душевной скудости. Даже свою пакостность они не воспринимают как подлость. Для них содержание жизни исчерпывается какими-то постоянными, едва ли не ритуальными занятиями.

Исчезновение старушки Пумпянской несколько поколебало эту застойную атмосферу, но не разрушило её. Всё будет повторяться, как дни недели, снова и снова. Человека вычеркнули, а тошнотворность исторических чередований продолжается как ни в чём не бывало. И смех и грех общего коммунального жития.

И вот что интересно: в своей первой повести Пьецух никого не убил беспощадностью своей иронии, а просто как-то мудрёно вывернул наш мир и преподнёс на блюдечке с голубой каёмочкой — любуйтесь и думайте.

«Догадки», «Жизнь замечательных людей», «Деревенские дневники», «Плагиат» — любая их этих книг рассказывает массу чего-то очень важного о нашей сложной современной жизни, затрагивает мысли и чувства читателей.

Практически в каждой из них русская литература позапрошлого века предстаёт невероятно свежей и молодой. А классики выглядят в произведениях Пьецуха милыми, но нелепыми, оттого как-то по-домашнему близки и понятны.

Не литература, а сплошной анекдот. Добрый и совсем не пошлый. Ведь важно само отношение к жизни, а не персонажи. Например, в сборнике «Жизнь замечательных людей» перед нами парадом проходят абсурдные житейские ситуации и удивительные человеческие экземпляры.

С одной стороны, читать о них смешно, но почему-то веришь, что всё это было на самом деле. Ведь встречались же вам на пути патриоты «с уклоном в коммерческий интерес», экстремально образованные труженики села и нелепые странствующие крановщики?

Пересказывать сюжеты Пьецуха — неблагодарный труд, они, как стихи, не поддаются изложению. Тем и хороши. Читателю остаётся просто наслаждаться красотой слога и интригой композиционных построений. Длинные полные предложения, нарочитая неправильность или скрытая цитата (умному достаточно, а дурак всё равно не поймёт), глубина и мысль в каждой строчке.

После погружения в его прозу так и тянет забыть повседневный стопудовый лаконичный лексикон и перейти на неспешный, вдумчивый, вкусный язык тургеневских героев. И только настроишься на благодушный лад... как споткнёшься об авторскую сентенцию о том, что в «мире почти никого нет, кроме идиотов и дураков». Посмеёшься над собой и продолжаешь наслаждаться слогом неактуального позапрошлого века и современными героями, органично уживающимися с авторской иронией.

А сюжет? А сюжет лишь повод для размышлений о смысле бытия и вкусе яичницы, поджаренной на сале. Причём здесь яичница? А притом, что из второстепенного и состоит наша жизнь. Кажется, это и есть самое главное, что внушает своим читателям Вячеслав Пьецух.

Почти каждая книга Пьецуха — это рассуждение. И, что интересно, рассуждают все. И автор, и его герои, и читатель. Поневоле проникаешься соблазном о чём-нибудь этаким поразмыслить.

Вот так постепенно и вписываешься в традиционно-нормальное состояние русского человека — думать лучше, чем делать. А чем плохо? Последуй за автором, например, в его «Деревенских дневниках», почувствуй неспешность жизни в селе, порадуйся тому, что ничто не сможет выбить тебя из круговорота повседневных крестьянских забот.

А потом присядь на воображаемую или реальную завалинку, закинь ногу на ногу, закури вместе с автором-рассказчиком и... начинай думать. О свойствах российской жизни и коварных её особенностях.

Словом, читать книги Вячеслава Пьецуха нельзя на бегу, походя. Для «поддержки» разговора с ним самим и его героями нужен настрой, желание

подключиться к предложенному диалогу. Порассуждать о порядочности и совестливости, а не об их суррогате, предлагаемом нынешней жизнью, лучше с хорошим и умным собеседником.

А он поделится с вами своими догадками: «Вот живут люди, живут и не ведают, что это они не просто живут, а творят Историю. И даже из «прекрасного далека» не всегда поймёшь, кто просто жил, а кто творил...

И как нам, нынешним, разобраться, отчего один из российских императоров гонял родовитых бояр в хвост и в гриву, возвращая новое дворянство, а другой — это самое дворянство изо всех сил прибирал к ногтю. Опять же не понять, почему это народ у нас всё безмолвствует и безмолвствует...

Вот и получается, что ни разобраться, ни понять нам своих собственных исторических путей. Но ведь интересно, как оно всё было на самом деле, а ещё интереснее, что было бы, если бы...».

Само творчество Вячеслава Пьецуха в целом с трудом укладывается в некие определённые рамки. Из долгих, но безуспешных попыток критиков причислить его к какому-нибудь из новомодных литературных течений выкристаллизовалось определение – иронический реализм, также допускающее различное толкование. То ли писатель иронически относится к окружающей нас реальности, то ли он столь же ироничен к попыткам признать реальностью выдумки и фантазии, составляющие суть литературного процесса.

То же и с отнесением его произведений к фантастике. Среди многочисленных антологий советской и российской фантастики обнаружился только один рассказ Пьецуха. Однако писатель явно не чужд ни фантастическому жанру, ни фантастическому методу. Во многих его произведениях встречаются мистические, сверхъестественные, фантастические или, по определению самого писателя, потусторонние мотивы и сюжеты. Роман-фантазия на историческую тему «Роммат», повесть «Государственное дитя», рассказ «Разговор» вполне подходят под

определение «альтернативная история». Рассказы «Новый Завод» и «Чаепитие в Моссовете» — своеобразные зарисовки утопии и антиутопии.

Фантастические картины «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина продолжены Пьецухом в повестях «История города Глупова в новые и новейшие времена» и «Город Глупов в последние десять лет». Названия рассказов «Я и потустороннее», «Василиса и духи», «Серафим», «Прикладная демонология», «Бог и солдат», «Леший» и повести «Чистая сила» говорят сами за себя. Также числятся по ведомству фантастики рассказы «Всемогущий фикус», «Драгоценные черты», «Замыкание в Вене», «Циклоп». А коротенький, на одну страничку, рассказ «Картина» — это своего рода авторский взгляд на состояние дел в современной научной фантастике.

Язык, которым пишет Пьецух, очень мягкий — без резких современных оборотов, какой-то доверительный и очень проникает в душу. Видимо благодаря этому писателя признали прижизненным классиком — а это многого стоит! Из особых его заслуг можно отметить возвращение анекдота в литературу («Русские анекдоты»), удивительную любовь к России и русским людям, несмотря на всё происходящее в стране. По его собственным словам, «вероятно, Россия нужна и самоценна как раз в таком виде, в каком она и существует: отчасти в безобразном, отчасти беспрецедентном, отчасти... прекрасном. При царе, при самых сочных черноземах и неисчерпаемых природных богатствах Россия имела самый низкий уровень жизни в Европе. При большевиках, при самых тучных черноземах и неисчерпаемых природных богатствах Россия имела самый низкий уровень жизни в Европе. При демократах, при самых тучных черноземах...». А себя писатель считает продолжателем традиций русской классической литературы.

1.2. «Иронический авангард» В.Пьецуха

Вячеслав Пьецух вошел в литературу в эпоху гласности. Проза “новой волны”, как принято ее называть, отличается многообразием и сложностью. Наиболее популярной тенденцией современной литературы остается социальное направление.

Действие рассказов и повестей Пьецуха не привязано к какой-то конкретной среде обитания. Оно может происходить и в деревне, и на сибирском прииске, и в большом городе. Не имеет решающего значения социальная принадлежность персонажей — это могут быть рабочие, крестьяне, интеллигенты. Существенно другое: установка на достоверность авторского персонажа. Для автора наиболее достоверен он сам — писатель.

Таким образом, важна не социальная, а все-таки художественная характеристика. Писатель и есть ведущий персонаж. Но это нельзя понимать так, что Пьецух пишет автобиографическую прозу. Нет, перед нами литература в широком смысле. Просто писатель выступает в самых различных обликах, за которыми безошибочно угадывается автор. Как правило, автор выдвигает на первый план писательские таланты любимого персонажа.

Критики причисляют В.Пьецуха к “ироническому авангарду”. Здесь хотелось бы привести мнения отдельных литературных критиков об его творчестве и суждения самого писателя.

Лев Аннинский: «Сугубо русская проблематика, с которой в свое время и вошел в литературу этот дерзкий прозаик, лишена у Пьецуха всякого намека на квасной патриотизм или почвенное самодовольство. Судьба России окрашена тревогой, которую приходится прикрывать юмором».

Александр Етоев: «Парадоксальность нашего бытия — вот тема, бесконечно варьируемая писателем от вещи к вещи. И по мастерству и изяществу, с которыми эта тема обыгрывается, равных В.Пьецуху пожалуй что и не сыщешь».

«Счастливым свойством прозы писателя Вячеслава Пьецуха — если она ловит тебя на свой проворный крючок, то больше уже не отпускает никогда».

Николай Шмелев: «Пьецух — живое и наглядное доказательство того, что рано еще хоронить хорошую, настоящую, умную литературу».

Вячеслав Пьецух: «В общем-то, я традиционалист, может быть, то, что я делаю, — это иронический реализм? Не знаю. Моя матушка, когда хотела похвалить какой-нибудь фильм, всегда говорила: жизненное кино. Думаю, что я — жизненный писатель».

«А вообще я думаю, что смысл жизни для каждого нормального добропорядочного, психически нормального человека — это приращение красоты, и уж не знаю, что остальное, а литература — это настолько прямой приращение красоты, что каждый человек, который ей занимается, занимается прямым человеческим делом на земле».

Действительно, ирония у него откровенна и даже декларативна. Еще в 60-х годах ирония стала реакцией на оболганные лозунги. Красивые и хорошие слова обесценили плохие люди. Пафос оказался неуместен. Многие отказались от слов вообще и обратились к рок-культуре, музыке. Вконец разрушили словесную ткань поэты и писатели-авангардисты.

Новым путем для литератора стала ирония универсальная, подвергающая сомнению все возможные установления, принципы и идеалы. Рассказ Пьецуха “Билет” — программный для писателя и для всей “новой волны”. Его герой — бич, бродяга, бездельник — изрекает истины о необязательности счастья и обязательности несчастья. Он утверждает, что без несчастных “мы будем не мы, как Афродита с руками уже будет не Афродита. Вы спросите, почему? Да потому, что всеобщее благосостояние — это та же самая сахарная болезнь, и организм нации... обязательно должен выделять какой-то горестный элемент, который не позволит нации заболеть и ни за что ни про что сойти в могилу”.

Много еще умного говорит Паша Божий. Но давайте вспомним, с чего начинается рассказ: “Бич Паша Божий, которого...” — и так далее. Пьецух

вставил обыкновенного Пашу в сочетание “бич Божий”. Но автор идет на это, задавая тон всему повествованию.

Писатель как будто посмеивается над особенностями русского характера, привыкшего в духе примитивного реализма воспринимать литературу как непосредственное отражение жизни и как руководство к действию. Поиронизировав по этому поводу, он тут же перекидывает мостик в реальность, предварительно заметив, что в жизни неоднократно повторяются сцены и эпизоды, описанные в литературе.

Эстетика “иронического авангарда” наиболее полно выражена в повести В. Пьецуха “Новая московская философия”. Повествование ведется от имени рассказчика, человека обстоятельного и неспешного. Он размышляет о соотношении жизни и литературы, о значении литературы в бытии русского человека. Реальность у Пьецуха парадоксальна, она строится в соответствии с литературными канонами, — на основе той действительности, которая разыгрывается в рамках сюжета “Преступления и наказания”.

Эта реальность обыденна и абсурдна. “Скорее всего литература есть, так сказать, корень из жизни, а то и сама жизнь, но только слегка сдвинутая по горизонтали, и, следовательно, нет решительно ничего удивительного в том, что у нас куда жизнь, туда и литература, а с другой стороны, куда литература, туда и жизнь, что у нас не только по-жизненному пишут, но частью и по-письменному живут...”²

Сюжет повести “Новая московская философия” разворачивается в 1988 году в коммунальной квартире из двенадцати комнат в Москве. Он построен вокруг смерти старушки Пумпянской, бывшей владелицы всего дома. Теперь Пумпянская занимает маленькую темную комнатку. Кому достанется эта комнатка, и решают герои — соседи по коммуналке.

² Пьецух В.А. Новая московская философия. – М., 1987. – С.102.

Решают они этот насущный жилищный вопрос “демократическим путем в условиях гласности”, — так говорит графоман-доносчик.

Стоит обратить внимание на то, что каждый человек уже не боится иметь свое мнение. Свою собственную “философию” имеет теперь всякий: от пятилетнего Петра, который, сидя на горшке, говорит, что песням его научила жизнь, до местных философов Белоцветова и Чинарикова, рассуждающих об извечных категориях добра и зла, о смысле жизни.

Идеалист Белоцветов, вознамерившийся таблетками излечить человечество от подлости, считает, что “всякое зло отчасти трансцендентально, потому что человек вышел из природы, а в природе зла и в заводе нет”. Его оппонент Чинариков утверждает, что в природе нет добра, что “добро бессмысленно с точки зрения личности”. Но споры доморощенных философов разбиваются об убеждение юного Митьки Началова, что “жизнь — это одно, а философия — это совсем другое”.

Новая московская философия рождается в сознании общества, у которого “с некоторых пор... и зло не как у людей, и добро не как у людей, превращенные они какие-то, пропущенные через семьдесят один год социалистического строительства”. Добро и зло стали амбивалентны, вообще расплылись. И Митька Началов, который, вздумав подшутить, по сути дела убивает старушку Пумпянскую. Дело в том, что он выкрал у нее старую фотографию её покойного мужа. Затем, соорудив хитрую линзу, спроецировал изображение так, что старушка ночью в темном коридоре стала видеть “призрак” давно умершего супруга. Конечно, Митька мельче Родиона Раскольниковова, который хотел доказать хотя бы, что он не “тварь дрожащая”.

Вячеслав Пьецух создает особую атмосферу повести, в которой парадоксальным образом, как это возможно в игре, соединяется реальность и условность, драматизм и смех. Автор то развенчивает роль литературы в обществе, всячески утрируя ее, то стремится возродить ее гуманистические ценности через очищение смехом.

Вывод всей повести автор передоверяет философствующему фармакологу Белоцветову: “... В процессе нравственного развития человечества литературе отведено даже в некотором роде генетическое значение, потому что литература — это духовный опыт человечества в сконцентрированном виде и, стало быть, она существеннейшая присадка к генетическому коду разумного существа, что помимо литературы человек не может сделаться человеком”. Но это высокое и прекрасное значение литературы низводится до нуля предыдущим диалогом Белоцветова с Митькой, который не читал “Преступления и наказания”.

Автор иронически соединяет литературу с конкретной “органически литературной” реальностью. В повести петербургский вариант преступления оказывается серьезнее московского. Московская философия идет не от бонапартизма, а от душевной бедности.

Художественные особенности повести складываются из иронической интонации, игры с классическими образами и мотивами, неожиданного ракурса восприятия человека и мира. Повесть разбита на главы по дням недели. “Пятница”, “Суббота”, “Воскресенье”. Это наводит на мысль, что с малыми изменениями и другие пятница, суббота, воскресенье такие же. Содержание жизни исчерпывается какими-то постоянными, едва ли не ритуальными занятиями. Исчезновение старушки Пумпянской несколько поколебало эту застойную атмосферу, но не разрушило ее. Все будет повторяться.

Повторяющуюся структуру имеет каждая глава. Вначале — авторское слово о роли литературы или соотношении ее с жизнью. Затем — описание быта коммуналки, вслед за ним — философские споры Чинарикова и Белоцветова, которые как бы смыкаются на каком-то уровне со словом автора. Следующая глава открывает следующий день и построена также. Спиральная конструкция все больше нагнетает какое-то безумие, когда еще живого человека уже вычеркнули из жизни.

Нет спасенья — от пошлости, от тошнотворности исторических повторов, от необъяснимости нашего “коммунального” житья.

Вячеслав Пьецух — необыкновенно популярный писатель. Всякая его новая или переизданная книга идет нарасхват. Это говорит о том, что Пьецух ухватил в нашей сложной современной жизни что-то наиболее важное, что затрагивает мысли и чувства читателей.

1.3. Жанр «иронического рассказа» в творчестве В.Пьецуха

Русский рассказ в настоящее время следует рассматривать и оценивать с точки зрения развития литературных направлений: «неоклассицизма», «неореализма» («жестокий реализм»), условного метафорического, «натуралистического» («другая проза»), постмодернизма.

Известны талантливые русские писатели, уже утвердившиеся в литературе (В.Астафьев, В.Распутин, Г.Семенов и др.). Есть и писатели «новой волны» (Л.Петрушевская, Т.Толстая, Е.Попов и др.), а также те, кто не смог реализовать себя в годы так называемого застоя, перестройки. Это Эдуард Лимонов, Варлаам Шаламов, В.Пьецух, Фридрих Горенштейн, Сергей Давлатов. Каждого из названных писателей можно в какой-то мере отнести к тому или иному литературному направлению. Но все же основное в их творчестве — это реалистическое изображение действительности с использованием разнообразных художественных приемов.

Произведения В.Пьецуха относят к «другой прозе», «натуральной», то есть «естественной», непосредственной. Этот писатель представляет собой в этом литературном направлении иронический авангард (авангард — передовая ведущая часть; авангардизм — течение, ищущее новые формы художественного выражения в начале XX века, порывающее с реализмом; ирония — тонкая, скрытая насмешка).

В.Пьецух — автор рассказов «Новая московская философия», «Восстание сентябристов», «Государственное дитя», «Русские анекдоты» и др. Для Пьецуха литература начинается с протопопа Аввакума, его «Жития», Исаак

Бабель, Михаил Зощенко, а затем А.Платонов, В.Шукшин, А.Толстой. Писатель за ответственность молодежи, осуждает приобретательство. Литература, по его мнению, может влиять на развитие в человеке чувства прекрасного. Воспитателем является сама жизнь.

В.Пьецух любит Россию и посвятил ей немало страниц. Основные темы произведений писателя – это русский национальный характер и российская действительность. В российской истории, сколько ее не изучай, загадки души русского человека всегда остаются загадками. И вечно получается, что какой бы путь к прогрессу и процветанию ни избрала Россия, он все равно окажется «особым» и послужит уроком всем, кроме нас самих. Дело здесь, видимо, - считает Пьецух, в особенностях русского национального характера. Его-то и исследует Пьецух на примерах как своих далеких предков, так и современников. Но это не всегда веселое занятие. Поэтому автор обращается к юмору и иронии. Он верит в тот же русский характер.

Повествование в рассказах В.Пьецуха идет, в основном, от имени героя-рассказчика. В основе их – определенный эпизод, конкретный сюжет. Рассказы насыщены приключенческими мотивами. В них преобладает диалогическая манера повествования. Имеют место описания природы, всегда чувствуется определенная авторская позиция.

Можно назвать рассказы Пьецуха повестийными, так как в них отсутствует острая интрига, темп повествования неторопливый, минимальное изображение деятельности человека, большая роль авторского голоса. Но реальное изображение событий сочетается с условным, необычным сюжетом, ситуациями и поступками героев. Условность связана с обращением писателя к прошлому, настоящему и будущему времени. Отсутствует пространственная определенность, временная последовательность.

Герои Пьецуха постоянно рассуждают на самые разные человеческие темы. Это скорее всего способность жить. В критических ситуациях они не паникуют, не злобствуют. Не все из них, конечно, интересны читателю.

В рассказе «Восстание сентябристов» (1987) действие происходит в деревне Шебалино. Из района пришло указание: упразднить (ликвидировать) деревню. Была такая мода – ликвидировать неперспективные (ненужные в будущем) деревни. Население решило не отдавать властям ее и защищать любым способом.

Герои много говорят по этому поводу, беседуют на эту тему. Жители, поставленные в такие условия, трагически переживают за это. Это жестоко, но люди находят способы защитить себя, человеческое в себе и окружающем мире. Автор приходит к выводу: такова повседневность и уникальность (неповторимость) российских обстоятельств.

В рассказах Пьецуха изображаются реальные события, но писатель часто прибегает и к условным формам. Например, рассказы «Креститель», «Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гете» и др.

В рассказе-басне «Потоп» (1992) – рамочная композиция и диалогическая манера повествования. Рассказ ведется от лица одного из собеседников, участников события. Он начинается с обсуждения сложившейся неприятной ситуации. В одной московской технической организации, переехавшей в другое здание, начался потоп, лопнули трубы, прорвало водопровод, и надо было что-то делать. Вызвали сантехника. Экспозиция произведения – внезапная. Мы знакомимся с сотрудниками организации, каждый из них рассказывает необычную историю, свидетелем которой он был ранее или слышал ее от других. Завершается рассказ возвратом к первоначальному разговору о потопе. Исповедальные истории приводят собеседников к тому или иному выводу. Наконец-то пришел вызванный сантехник.

Попутно автор дает характеристики героев, рисует их внешний облик. Перед нами инструктор Малолеткова, заведующая хозяйственной частью Зинаида Косых, заведующий секцией систематизации Журавлев, инженер Страхов, чертежник Лыков, нормировщик Ключкин, инспектор Спиридонова, технолог Зюзин.

Журавлев – крупный человек, лет пятидесяти, с вечным насморком. Инженер Страхов – маленький, застенчивый. Лыков с веселым выражением лица. Ключкин – старикан. Спиридонов был тонкий, юркий мужчина с высокой шевелюрой и какими-то подленькими усами. Он носил прозвище Вечный студент, восьмой год учился на вечернем отделении в нефтегазовом институте в Москве. Технолог Зюзин немного говорил по-японски, человек неприметный. Косых и Малолеткова – плотные женщины с замученными глазами.

Все они не особо дружили, но объединились в такой ситуации. Выхода нет, сантехник на атеистическом семинаре. Но надо поддерживать в себе что-то человеческое, беседовать на жизненные темы. Это и есть их способность жить, думать. Но все эти простые русские люди заслуживают уважение.

Зюзин рассказал интересный случай. Был он когда-то плотником, официантом, матросом, проводником в поезде Москва-Владивосток, дворником, шофером. А в 1979 году работал в научной экспедиции на Памире. Искали снежного человека. В чайхане он познакомился с мужиком, который рассказал, что был знаком со снежным человеком. Мужик этот был шофером, возил топливо на высокогорную станцию. При встрече со снежным человеком он поставил игристое вино, которое было выпито. С тех пор шофер часто выпивал со снежным человеком. Снежный человек был покрыт шерстью, здоров, но ничего не понимал. Зюзин представил шофера профессору.

Ключкин рассказал историю о кассире сберегательного банка. Он сумел одними словами обезвредить налетчиков. Ключкин собирал деньги на мотороллер и пришел положить в банк на счет деньги. В это время пришли налетчики. Один из них вынул оружие и сказал: «Спокойно, граждане, это налет».

Двое других уголовников подошли к кассиру и сказали: «Руки за голову!». Но кассир даже не обратил на это внимание, хотя и не молодой.

Запер все ящики, а ключ положил в карман. Далее идет диалог между кассиром и уголовниками:

- Я же тебе сказал, гад, руки за голову! – потребовал молодой уголовник.

А кассир в ответ: «Может быть, еще и ноги за голову?».

Уголовник: «Ты что, старый, смерти не боишься?».

Кассир: «Смерти я боюсь, это я вас, сукиных детей, не боюсь».

Уголовник: «Я тебя, кассир, в последний раз спрашиваю: отдашь деньги или нет?».

Старик отказался и назвал их врагами народа. На что пожилой уголовник обиделся: «Какие мы враги народа. Мы деньги государственные берем. А у государства с этим делом довольно просто: сколько захочет, столько и напечатает». «Но ведь государство – это мы», - ответил кассир. Затем пожилой уголовник уточнил: пришли они за новыми деньгами, которые еще не держали в руках. Некоторые вкладчики тоже приняли участие в этой беседе. Ключкин ушел. На другой день в кассе все было в порядке, а кассир, мужественный человек, спокойно пересчитывал деньги.

Наконец-то пришел сантехник и перекрыл воду. Прекратили симпозиум, беседу и занялись делом.

Рассказ «Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гете» написан в диалогической манере и в условной форме, нарушая правдоподобность. В экспозиции произведения рассказчик сам чинит водопровод, красит в подвале стены вместе с бригадой рабочих. Он говорит, что чтение литературы действует на него успокаивающе, расслабляет. Например, читая «Севастопольские рассказы» Л.Толстого ему кажется, что сам находится на четвертом бастионе. А читая «Преступление и наказание» Достоевского – сам зарубил старуху и ждал следователя Порфирия Петровича. Читая Салтыкова-Щедрина – вижу себя, - говорит рассказчик, - «мальчиком без штанов». Вот, наконец, прочитал герой «Гамлета» Шекспира и понял, что к подходящей электричке надо стоять лицом к толпе людей, что избежать опасности. Все чтение идет на пользу, то есть у героя бытийное измерение.

Однажды герой взял томик лирических стихотворений Гете, прочитал «Мариенбадскую элегию» - это было во вторник, а ночью (на среду) явился к нему Гете. Это экспозиция рассказа. Изложение событий последовательное. Автор-рассказчик повествует о встречах с Гете, великим немецким поэтом. Дом, где жил герой, находился напротив гостиницы «Ленинградская» в Москве, на площади трех вокзалов (Ярославский, Ленинградский, Казанский).

Вдруг в окне, в 12 часов ночи явился Гете. Он него веяло затхлым. На нем были белые чулки, лакированные туфли. На лице – длинный нос. Хотя он был старше Моцарта на 7 лет, он выглядел молодо. Разговор пошел и по-немецки, и по-русски, но рассказчик и Гете понимали друг друга. Гете путешествовал во времени и пространстве, был в курсе наших современных событий. Автор использует фантастический элемент.

Далее идет описание встреч и бесед с Гете о литературе, о реальном и загробном мире, о национальном характере, о политике разных времен. Автор как бы совершает и экскурс в прошлое России, Запада. Например, первая встреча. Великий немец перелез через окно. Он спросил, что читает человек (герой), с которым он встретился? Герой ответил, что уже в двадцатый раз читает его элегию и не поймет, зачем она написана? Тем более что написана «Мариенбадская элегия» в старческом возрасте. Гете ответил, что хотел изобразить чувства зрелого человека. Искусство создано для того, чтобы передать интимные переживания человека и социально-экономические катастрофы.

Герой вступает в спор. Рассказ ведется от лица одного из собеседников. В нем рамочная композиция, так как начинается повествование с разговора с Гете и заканчивается им. Обсуждаются проблемы, вытекающие из диалога. Собеседники подводят итоги дискуссии. Но каждый из собеседников имеет свое мнение, так как одну и ту же проблему рассматривают на уровне своего времени, эпохи. Например, герой считает, что главное в искусстве передать суть.

Гете создал «учение о свете», что неизвестно герою. Солнце, - говорит Гете, - бывает разным. Местность вся в синеве, но на расстоянии кажется желтой, красноватой. Герой говорит, что Пушкин описывает природу, местность очень точно.

Гете: А кто такой Пушкин?

Герой: Но ведь вы ему послали свое перо. Пушкин – великий русский поэт, прозаик.

Для меня, - отвечает Гете, - есть только Вальтер Скотт, и то он грешник. Возле огня костюм короля должен быть темно-оливкового цвета. Большинство людей, - продолжает он, - не воспринимают искусство. Наполеон, по его мнению, понимал его. Но он был не человек, а монстр.

Герой: Каждый писатель несет что-то новое, свежий поворот темы.

Гете: Только наука вносит новое. Каждый писатель воспроизводит себя.

Гете рассуждает как писатель своей эпохи. Главное для него – это личные чувства, они независимы от конфликтов эпохи.

Спор прерывается с уходом Гете. Приходит сосед Волосков и рассуждает о Куликовской битве. Для него – это авантюра Дмитрия Ивановича и Сергия Радонежского. А для Красулина – величайшее событие.

Во второй раз Гете явился через дверь в четверг. Спор шел о политике и революциях. Гете говорит, что многое он предсказал за 50 лет вперед. Например, строительство Панамского канала.

Герой: Один немец предсказал революцию в России. Дураки будут руководить, а работяги будут по-прежнему гнуть спины. Вообще нельзя в будущем ожидать лучшее. Он имел ввиду Карла Маркса.

В пятницу спор шел о Скотте, Белинском. Герой: Вы считаете Скотта великим писателем своего времени?

Гете: И на все будущие времена.

Герой: Но Скотта читают сейчас только дети и дураки.

Герой: Белинский считал Жорж Санд светочем русской литературы.

Гете: А кто такой Белинский?

Герой: Он стоит несколько ваших Лессингов.

Гете: Значит, он велик как бог.

Герой доказывает Гете, что русская литература 18 века намного отстала, но 19 век нельзя даже сравнивать с Америкой и Европой. Русская литература кончилась на Бунине. Достоевский явил фантастический реализм. До этого литература занималась выращиванием винограда. Достоевский сделал из него вино, которое можно пить.

Вы не знаете Пушкина, а ваши стихи у нас читала каждая барышня; в 1826 году вас избрали почетным членом Российской академии.

Гете: Петр 1 построил столицу в местности, непригодной для жизни человека. Если бы Фридрих Великий приказал построить столицу в мазурских болотах, его бы упекли в сумасшедший дом.

Герой: У нас тоже резали языки, в Сибирь отправляли, цензура, и все же русские знают французскую литературу лучше французов.

Гете: Русские всегда стремились к европейской цивилизации, ибо принадлежали биологически к европейской расе, но душою и разумом они были азиатами.

Герой: Вообще-то Россия не территория, а планета.

Гете: Европейцу важно владеть своим ремеслом, необязательно знать Шиллера. Русские спасаются начитанностью, как англичане – бытом, французы – легкостью, итальянцы – ребячеством, немцы – обстоятельностью, финны – водкой. А цензура нужна, она окрыляет.

Герой: Это дает возможность развиваться изнутри. У русских выше культура человеческого общения. Средний немец – престарелый ребенок.

Гете: Немцы – болваны. Во время революции 1848 года требовали, чтобы в театр, в партер и бельэтаж были допущены простолюдины.

Герой: А у нас собрались в 1919 году обучать Красную армию эсперанто. Русские тоже большие дети, тем более что верили в быстрый рай.

При четвертой встрече герой и Гете пришли к общему соглашению.

Герой: Если вы, Гете, существуете как дух, то есть значит и загробный мир?

Гете: Да, я часто встречаю Ньютона.

Герой: Мировые религии нам не врут, обещая нам жизнь в загробном мире как вознаграждение за муки, страдания.

В такой же диалогической манере написан рассказ «Гадание на кофейной гуще» (1991). Действие происходит в частной школе бизнеса. Ее организовал некий Портко в Подмоскowie, за станцией Клязьма. На курсах занимались четверо: Володя из Сыктывкара, Сергей из Балашихи, Аркадий из Электростали и девушка Елизавета из Москвы. Они по утрам бегали, а затем занимались деловыми играми. Первая игра – откупить цех у директора швейной фабрики. Распределили роли: Аркадий – директор, Володя – откупщик, Сергей – организатор производства, Елизавета должна сбывать продукцию.

В игре они приходят к выводу, что нужна сила. Володя делает директору предложение: ежемесячные деньги в размере зарплаты. Работникам подпольной фирмы надо платить много. В обычном магазине трудно будет продать джинсы, поэтому нужен человек, не заинтересованный в деньгах. Он купит оптом и продаст.

Во второй главе Аркадий предложил выйти на рынок с эликсиром жизни. Сергей предлагает открыть контору по организации гражданства. Нужна реклама. Елизавета будет говорить с английским акцентом. На картинке – океан, пальмы. Портко приходит к Елизавете. Она требует документы и деньги. Зачем все это? Сергей говорит, что вместо министра иностранных дел можно взять для оформления документов участкового милиционера. Обойдется дешевле.

В третьей части руководитель Портко предложил другую модель: надо укрепить политическую власть. Но Володя считает, что вооруженное восстание нельзя организовывать. Народ может не понять. Сергей же, наоборот, за восстание. Желательно, - говорит он, - подключить чеченскую

мафию. Елизавета думает, что восстание народа надо контролировать. Аркадий говорит: «Надо взять заложников из центрального комитета». Сергей: «Надо организовать демонстрацию за передачу власти деловым людям». Но главное, - решили все, - это деньги.

Аркадий решил, что ради правды человек пойдет на любое дело. И Портко согласился. Но опасность в том, что люди могут вырезать 50 миллионов тружеников во имя круговорота воды в природе. А это опасно. Могут с похмелья поделить движимое и недвижимое имущество, как в 1917 году. Пришли к заключению, что Россия – колдовская страна, страна жуликов, плохих дорог, пьющих людей. Но они ее любят. И задают себе вопрос: «Почему?».

Завершение рассказа неожиданное. Вошла кухарка Ираида Петровна и заявила: «Я тоже желаю сделать свой ход конем. Я слушала вас, вы только думаете как объегорить народ. Жулики, прохиндеи. Я вам сейчас дачу подожгу к чертовой матери!» (и пошла поджигать дачу). Портко подумал, что все так и должно быть, другого конца он и не ожидал. Вот это народ, Ираида. Если народ видит обман, он не сможет простить.

Заключение

Вячеслав Пьецух – самобытный писатель со своеобразной художественной манерой. В своих произведениях он затрагивает жизненные, современные проблемы, несмотря на определенный уход в прошлое и обращение к условным формам. Реальное предстает в рассказах наряду с условным, с отступлением, казалось бы, от действительного. Но это, скорее всего, придает произведениям Пьецуха особую оригинальность и не затрудняет наше восприятие всего того, о чем повествует этот писатель.

Необыкновенная популярность Вячеслава Пьецуха объясняется, может быть, еще и тем, что ирония его не злая, не убийственная. Она всепонимающая. Писатель всегда дает возможность читателю выбрать из многих предоставленных на обсуждение вариантов свою философскую концепцию бытия. А если не выбрать, то убедиться в том, что мир пестр и многозначен, и невозможно остановиться на одной жесткой схеме.

Ведущим литературным приемом, формирующим художественный строй рассказов писателя и выражающим главную авторскую идею, становится у Пьецуха пародия, а традиционным жанром – анекдот: бытовой («Драгоценные черты», «Русские анекдоты»), исторический («Роммат»), философский («Новая московская философия»). Особая привлекательность этой литературной формы не в последнюю очередь состоит в том, что анекдот чрезвычайно демократичен. Смех уравнивает и сближает всех, а вот правда может вызывать и то, что Гоголь называл «смехом сквозь слезы». Кроме того, в анекдоте человек раскрывается сразу и целиком в одной ситуации, реплике или детали. У Пьецуха есть чувство жанра: очень тонко уловив литературную ситуацию, этот писатель, историк по образованию, ироник по взглядам на действительность, нашел свою нишу в современной словесности и стал известен, главным образом, как автор произведений, в основе которых лежат байка, анекдот, пародия, парадокс.

По Пьецуху, русская история всегда была так же прочно замешана на абсурде, как и советская; и, следовательно, русская литературная классика

ничего не «отражала», а именно моделировала, непрерывно сочиняла идеальный план жизни. Формой иронического, заведомо условного, компромисса между литературной традицией, историческим прошлым и настоящим становится у Пьецуха категория «национального характера» — это его моделирует литература, это он объединяет настоящее и прошлое. Но при этом, низменно говоря о России, об абсурдности русской жизни и российской истории, Пьецух создает настолько универсальный контекст, что «русский национальный абсурд» в его рассказах выглядит как черта всеобщая, бытийная и вневременная.

В.Пьецух любит Россию и посвятил ей немало страниц. Основные темы произведений писателя – это русский национальный характер и российская действительность. В российской истории, сколько ее не изучай, загадки души русского человека всегда остаются загадками. И вечно получается, что какой бы путь к прогрессу и процветанию ни избрала Россия, он все равно окажется «особым» и послужит уроком всем, кроме нас самих. Дело здесь, видимо, - считает Пьецух, в особенностях русского национального характера. Его-то и исследует Пьецух на примерах как своих далеких предков, так и современников. Но это не всегда веселое занятие. Поэтому автор обращается к юмору и иронии. Он верит в тот же русский характер.

Список литературы:

1. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература (1950-1990 гг.). Т. 2. - М., 2003.
 2. Македонов А. Сверхшения и кануны. - Л., 1983.
 3. Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки /Пер. с нем. Г.В. Снежиной. - СПб: Академический проект, 2006.
 4. Овчаренко А. Большая литература. – М., 1996.
 5. Огнев А.В. Современный русский рассказ. – М., 1994.
 6. Пьецух В.А. Веселые времена. – М., 1985.
 7. Пьецух В.А. Новая московская философия. – М., 1987.
 8. Пьецух В.А. Предсказание будущего. – М., 1989.
 9. Пьецух В.А. Роммат. – М., 1990.
 10. Пьецух В.А. Я и прочие. – М., 1990.
 11. Пьецух В.А. Александр Креститель // Октябрь. 1991. № 2.
 12. Пьецух В.А. Гадание на кофейной гуще // Дружба народов. 1991. № 8.
 13. Пьецух В.А. Циклы. – М., 1992.
 14. Пьецух В.А. Ночные бдения с Иоганном Вольфгангом Гете // Новый мир. 1996. № 5.
 15. Пьецух В.А. Государственное дитя. – М., 1997.
 16. Сидоров Е.И. Рассуждения о писателе В.Пьецухе // Знамя. 2007. № 6.
 17. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. - М.: Флинта, Наука, 2001.
 18. Современная русская литература. / Под ред. А.Белой, А.Бочарова. – М., 1999.
 19. Шенкман Я. Сочинения В.Пьецуха // Новый мир. 2006. № 12.
- <http://www.portal-slovo.ru>
- www.ref.ru
- <http://russia.rin.ru/>
- <http://feb-web.ru>